

держави з демократичним ладом і законною владою, відповідальною перед парламентом; захист прав українського народу в міжнародній сфері; розвиток української національної культури; автокефалія церкви тощо [6].

Через кілька днів після першого засідання В.Винниченко, В.Садовський, Ф.Швець, М.Шаповал, С.Сфремов, А.Ніковський і К.Мацієвич провели нараду, на якій обговорювали вузлові проблеми, пов'язані з можливостями досягнення компромісу з гетьманом, організації Директорії чи збройного повстання. З'ясувалося, що всі присутні, за винятком Ф.Швеця, виступають за порозуміння, проти повстання. Конкретніше - серед представників соціалістів-федералістів більшість була проти повстання (бо це не відповідало їх програмі і тактиці поступовості). Але соціал-демократи, есефи - всі були за повстання, так само й самостійники висловились „за”. Тоді довелося „робити справу” поза Національним союзом, але в виборі Директорії брали участь представники всіх партій та організацій. Поки йшлося про загальну і докладну розробку плану повстання, підрахунок військових сил, виявилось, що справа довго в секреті не вилежить, тому прихильники активного виступу запропонували більш поміркованими, а саме соціалістам-федералістам, хліборобам-демократам та хліборобам-власникам зробити останню спробу демократизації уряду. Делегація з семи представників була в середу, 13 листопада 1918 р., у Гетьмана. Ось що про це писали газети: „Вся безхарактерність, боягузтво, зрадливість та нерозум П.Скоропадського з усею силою виявилися у цьому побаченні... Перед делегацією був нещасний чоловік... Цей же федераліст (П.Скоропадський) з приказу Енно, в фальшування телеграм якого брав участь і П.Мілюков, того ж вечора попав в обійми Кривошеїна й Келера, котрі йому склали кабінет на чолі з Ржепецьким й Гербелем, відомими майстрами уголовних махінацій” [7].

Якщо схарактеризувати діяльність українських лібералів, то впадає у вічі, що вони не мали єдності в діях, не було й повної злагожденості. Разом з тим, слід відмітити їхню постійну опозиційність: ліберали були в опозиції до царського уряду, до Центральної Ради в останні місяці її діяльності, до Гетьманщини, до Радянської влади. Знову і знову ліберали не утримувалися в уряді, зрештою, так і не спромоглися втілити в життя свою досить дійову програму.

Джерела та література:

1. Винниченко В. Відродження нації. Частина III. Репринтне відтворення видання 1920 р. – К.: Вид-во політичної літератури України, 1990. – 542с.
2. Грищенко А. Спектр основних політичних сил в Україні періоду Гетьманату (1918) // Друга міжнародна конференція „Гетьман Павло Скоропадський та українська держава”. Науковий збірник, присвячений 125-річчю від дня народження Гетьмана Павла Скоропадського та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 р. – К., 1998. – 241с.
3. Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914-1918). – Ч.1-4. – Л., 1932. – 537 с.
4. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – М.:Наука, 1977. – 320 с.
5. Кульчицький С. Місце Гетьманської Держави в українському державотворчому процесі 1917–1920 рр. // Друга міжнародна конференція „Гетьман Павло Скоропадський та українська держава”. Науковий збірник, присвячений 125-річчю від дня народження Гетьмана Павла Скоропадського та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 р. – К., 1998. – 241с.
6. Мала енциклопедія етнодержавознавства. – К.: Генеза, Довіра, 1996. – 942 с.
7. Могиланский Н.М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 г.) // Революция на Украине по мемуарам белогвардейцев. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К.: Изд-во политической литературы Украины, 1990. – С.115– 135.
8. Нова Рада. – 1919. – 3 січня (20 грудня 1918).
9. Приднепровский край. – 1918. – 25 (12) июля - 29(16) ноября.
10. Проданюк Ф. Українська держава і країни Четверного союзу: основні напрямки взаємовідносин // Друга міжнародна конференція „Гетьман Павло Скоропадський та українська держава”. Науковий збірник, присвячений 125-річчю від дня народження Гетьмана Павла Скоропадського та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 р. – К., 1998. – 241с.
11. Русова Софія. Мої спомини //Український історичний журнал. – 1999. – №5. – С. 139–148.
12. ЦДАВОУУ, ф. 1115, оп. 1, спр.19.
13. Там само, спр.62.
14. Якупов М.М. Партія кадетів та Українська Держава Гетьмана П.Скоропадського //Праці Всеукраїнської науково-практичної конференції „Південь України і складання Української державності: історія і сучасність”. – Ч.1. – О.:ОДЄУ. – 1994. – С.128-130.

Дорофеев Д.В.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ИНТЕРЕСАХ ИРАНА, КИТАЯ, РОССИИ И ТУРЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ США

Образование в начале 1990-х годов современной Центральной Азии открыло её для внешнего воздействия и превратило этот регион в объект постбиполярной политики Ирана, Китая, России и Турции – акторов, исторически конкурирующих между собой за наиболее благоприятное в нем присутствие, доступ к его ресурсам и включение центральноазиатских стран в свои сферы влияния. Исторические аналогии демонстрируют перманентное присутствие этого процесса в поле внимания держав-лидеров: Великобритании XIX в. и Соединенных Штатов на рубеже XX – XXI вв. Британское и американское внимание связано с вероятностью

того, что доступ евразийских держав к геополитическому и геоэкономическому потенциалу Центральной Азии позволит им изменить в свою пользу региональные балансы сил и вместе с этим оспорить глобальные позиции обладателя мировым преимуществом.

В контексте исследования теоретических истоков формирования наиболее эффективных моделей центральноазиатского курса Соединенных Штатов научный интерес представляет изучение точек зрения американских специалистов на внешнюю политику Ирана, Китая, России и Турции относительно Центральной Азии.

Принимая во внимание, что данная проблематика не получила комплексного освещения в литературе, актуальность исследования обусловлена двумя причинами. Необходимостью заполнения возникшего вакуума в отечественной и зарубежной науке. А также формированием адекватной внешнеполитической стратегии Украины, учитывающей возможные варианты политики США в регионе, расположенном в непосредственной близости от украинских границ.

Достижение поставленной цели исследования осуществлялось на основе изучения работ специалистов, занимающихся как глобальной стратегией США (З. Бжезинский, Ч. Капхен, Г. Киссинджер, У. Одом), так и внешней политикой евразийских государств (М. Ахрари, С. Бланк, М. Бурлес, П. Гобл, А. Коэн, Ф. Ларраби, Й. Лессер, М. Олкотт, Д. Смит, С. Паллатиер, Р. Сокольский, Г. Фуллер, Т. Чарлик-Палей). Выбор экспертов обусловлен их воздействием на формирование внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Примерами этого процесса являются не только их научная деятельность, но и опыт работы в государственных учреждениях и аналитических институтах, регулярные выступления по профилирующей теме на слушаниях в комитетах и подкомитетах Конгресса [19].

Принимая во внимание разнообразие точек зрения исследователей, их анализ был осуществлен при помощи применения параметров, связанных с трактовкой интересов Ирана, Китая, России и Турции относительно Центральной Азии, видением благоприятствующих и ограничивающих факторов реализации этих интересов, а также оценкой возможных вариантов развития взаимоотношения в регионе, указанных акторов.

У американских экспертов Россия вызывает настороженное отношение, из-за её стремления восстановить контроль над странами Центральной Азии [1, с. 171; 7, р. V; 10, р. 7]. Ими были определены следующие российские интересы. Предотвращение роста исламизма [6, р. 53; 12, р. 15]. Контроль над энергоресурсами и маршрутами их транспортировки [16]. Реинтеграция со странами региона в экономический, политический и военный союз. Поддержание центральноазиатской стабильности [18]. Защита этнических русских. Сохранение зависимости постсоветских республик региона от России. Стремление доминировать в экономике стран Центральной Азии и увеличить промосковскую ориентацию их экономического развития. Противостоять росту иностранного влияния и присутствия [13, р. 24].

Реализации перечисленных интересов, как считают ученые, благоприятствует уязвимость центральноазиатских стран перед российским влиянием, в силу системной слабости их государственных институтов, исторической и географической близости [17], зависимости в транспортировке энергоресурсов, наличия русскоязычной диаспоры, руссифицированности элиты [11, р. 102-103].

К факторам, ограничивающим реализацию интересов России специалисты относят недостаток у неё инвестиционных капиталов для проведения более активной политики [12, р. 17]. Медленные темпы интеграционного процесса в рамках СНГ [13, р. 28]. Стремление региональной элиты ослабить зависимость от России путем развития отношений с другими странами мира [1, с. 173].

Большинство экспертов сходятся во мнении о неизбежности уменьшения российского влияния на центральноазиатские государства и приобретения внешней политики России больше характера равноуровневого сотрудничества, чем конфронтации в регионе с Ираном, Китаем и Турцией.

Устремления КНР в Центральной Азии, по мнению американских политологов, носят оборонительный характер. Они направлены на сохранение территориальной целостности Китая, удовлетворение его растущих потребностей в энергоресурсах. Такая оценка основывается на определении следующих китайских интересов. Поддержание стабильности стран Центральной Азии. Уменьшение их зависимости от Ирана и России. Противодействие росту исламизма. Обеспечение доступа к энергоресурсам. Препятствие усилению влияния Турции. Развитие коммуникаций. Расширение центральноазиатского рынка для китайских товаров. Обеспечение экономического развития стран региона для предотвращения их дестабилизации. Развитие восточного маршрута транспортировки энергоресурсов на мировые рынки [5, с. 177 – 181; 6, р. 5; 14 – 15].

Географическая близость, экономический рост и потребность государств Центральной Азии в уменьшении их зависимости от России, по мнению экспертов, позитивно отражаются на реализации китайских интересов. К факторам, сдерживающим политику КНР, они относят недостаток капитала, цивилизационную дистанцию, концентрацию внешнеполитических приоритетов Китая в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, а не в Центральной Азии [13, р. 37 – 40].

В основном, специалисты приходят к общему выводу: внешнеполитический курс Китая направлен на решение внутренних китайских проблем и не преследует цель – установление регионального доминирования. Но при этом рост влияния КНР признается ими неизбежностью, которая таит в себе неопределенность дальнейшего развития китайской стратегии.

Исследователи характеризуют региональную политику Ирана как осторожную, прагматичную и умеренную [5, с. 18; 11; 14]. Курс этого актора оценивается сквозь призму его предназначения трансформировать баланс сил в пространстве от Персидского залива до Центральной Азии таким образом, чтобы Иран занимал в нём статус стратегического центра. Исходя из этого приоритета, развитие отношений с государствами центральноазиатского региона, Иран использует для преодоления международной изоляции; расширения влияния в исламском мире; увеличения экономической мощи; становления ключевой фигурой в меж-

дународной торговле энергоресурсами [3, с. 50]. Американские специалисты выделяют и другие иранские интересы в Центральной Азии. Сохранение мира и стабильности [9, р. 7]. Препятствие проникновению западных компаний в энергоресурсный сектор. Развитие двухсторонних экономических отношений. Разработка ресурсов. Сохранение независимости центральноазиатских государств от России. Создание транспортных маршрутов через иранскую территорию [11, р. 77].

К позитивно воздействующим факторам на реализацию перечисленных интересов относят географическую близость Ирана к региону [9, р. 47 – 48]. Заинтересованность центральноазиатских стран в «иранском коридоре» для экспорта их энергоресурсов на мировые рынки [12, р. 8 – 9]. Этнокультурная близость иранцев с населением Таджикистана [11, р. 27]. Популярность в мусульманском мире антиамериканских позиций Ирана [13, р. 45].

Однако препятствием на пути реализации иранских интересов выступает международная изоляция, сдерживающая развитие его мощи [11, р. 87; 13, р. 46]. Ограниченность культурного и религиозного влияния Ирана на этносы Центральной Азии в силу наличия с ними религиозной и этнической дистанции [9, р. 48]. Настороженное отношение правящих элит и широких слоев населения в постсоветских республиках к Ирану. Заинтересованность США и России в сдерживании этого актора. Высокая степень чувствительности иранского руководства к этническим конфликтам в Центральной Азии [12, р. 8 – 9]. Зависимость Ирана от России в военной и политической сфере приводит к образованию нежелательной конфронтации с Россией в регионе. Непопулярность в странах Центральной Азии иранского вида радикального ислама [8, р.30]. Соприкосновение Ирана с пространством региона по границе с Туркменистаном не является достаточной предпосылкой для увеличения его влияния [13, р. 47]. Внешнеполитические и внутривнутриполитические приоритеты – стремление доминировать в Персидском заливе, сохранение завоеваний революции, восстановление экономики, – ограничивают центральноазиатское направление его стратегии [11, р. 117].

В целом же американские аналитики интерпретируют ограниченными иранские возможности влиять на баланс сил в Центральной Азии и трансформировать его в свою пользу.

Региональные интересы Турции сводятся специалистами к поддержанию стабильности и развитию демократии; либерализации экономик; расширению турецкого присутствия; уменьшению влияния Ирана и России; транспортировке энергоресурсов на мировые рынки через Турцию, минуя Иран, Китай и Россию [3, с. 53; 15 – 16].

Не смотря на культурно-религиозную близость Турции со странами Центральной Азии, реализация турецких интересов осложняется рядом факторов. Ощущается недостаток ресурсов и средств для становления Турции «экономическим двигателем» регионального развития [11, р. 100]. Сказываются внутренние трудности: исламистский вызов и курдская проблема. Учитывается заинтересованность России в сдерживании турецкого влияния [9, р. 18]. Активность Турции ограничена потенциалом нестабильности Балкан и комплексом сложных отношений с Ираком, Ираном и Сирией. Воздействие оказывает недостаток географической близости с государствами региона и возможности проецировать на них турецкую военную мощь [13, р. 43].

Неоднозначность суждений американских экспертов прослеживается в оценке перспектив центральноазиатского курса Турции. Общим для них выступает трактовка ограниченности внутренними процессами турецкой политики. Однако в концептуальных построениях степень успешности преодоления этих факторов ставиться в зависимость от состояния американо-турецкого сотрудничества как в Центральной Азии, так и за её пределами.

Варианты регионального взаимодействия Ирана, Китая, России и Турции определяются учеными на основе соотношения их интересов. В работах исследователей обобщенно представлена идея неминуемости столкновения евразийских акторов, которое произойдет в двустороннем формате по линии «Россия – Китай», «Россия – Турция», «Россия – Иран», «Китай – Иран», «Китай – Турция», «Иран – Турция». А так же в многостороннем формате: «Иран, Китай, Россия – Турция», «Иран, Россия – Китай», «Иран, Россия – Турция», «Китай, Россия – Турция», «Китай, Россия – Иран», «Китай, Россия – Иран, Турция» [1 – 18].

Не смотря на столкновение интересов, специалистами выделяются совпадающие интересы: поддержка стабильности, развитие экономики и энергоресурсов, доступ к углеводородным запасам.

Принимая во внимание пестроту палитры интерпретации экспертами политики Ирана, Китая, России и Турции, следует констатировать, что они рассматривают взаимоотношения этих стран, как сложную, но не угрожающую систему жизненно важным интересам США. Одновременно, ими постулируется необходимость ограниченного и полномасштабного регионального вовлечения сверхдержавы.

Сторонники ограниченного подхода, например Д. Смит, аргументируют свою позицию отсутствием в этом пространстве американских жизненно важных интересов. На практике США не должны становиться гарантом безопасности региона. Ни количество ресурсов Центральной Азии, ни экономическая активность американского капитала не могут оказывать определяющее воздействие на их политику, так как стратегия должна ограничиться предоставлением экономической, технологической помощи и дипломатической поддержки странам в процессе постсоветской трансформации [12].

З. Бжезинский, С. Бланк, Г. Киссинджер, А. Коэн, У. Одом, М. Олкотт придерживаются альтернативно-го подхода [1 – 2; 4 – 5; 10; 17 – 18]. В силу двух взаимосвязанных причин ими обоснован вариант полномасштабного вовлечения. Во-первых, регион является составной частью системы американской безопасности в Азии, а это означает, что только Соединенные Штаты обладают возможностью стать гарантом центральноазиатской безопасности. Во-вторых, значительные запасы в нём энергоресурсов, влияющих на развитие мощи Ирана, Китая, России и Турции, должны находиться под американским контролем.

На первый взгляд, противоположность подходов проявляет принципиальное различие во взглядах экспертов. Однако более детальное изучение их оценок демонстрирует глубинный процесс осмысления аналитическим сообществом Центральной Азии в качестве объекта не только внешней политики Ирана, Китая, России и Турции, но и самой сверхдержавы. Фактически исследование этого процесса предоставляет возможность спрогнозировать её политику, как в регионе, так и относительно рассмотренных акторов.

Преобладание тезиса о потенциале столкновения в Центральной Азии интересов Ирана, Китая, России и Турции, а также дискуссия о степени региональной вовлеченности США демонстрируют поиск учеными наиболее эффективного пути формирования центральноазиатского курса глобального лидера, который во многом обусловлен их способностью дать адекватную оценку внешней политики «традиционных» акторов. Именно от этого процесса зависит степень готовности американского руководства принять участие в превращении региона в зону мира и процветания или же – противостояния евразийских государств. Результаты исследования показывают приоритетность для специалистов сохранения Соединенными Штатами свободы маневра в центральноазиатском пространстве. По сути это свидетельствует о высоких темпах региональной геополитической динамики, которая учитывается при формировании внешнеполитической стратегии США.

Источники и литература

1. Бжезинский З. Великая Шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер с англ. О. Уральская. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
2. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. Е. Нарочницкая, Ю. Кобяков. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
3. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро / Пер. с англ. Б. Сырков. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 636 с.
4. Киссинджер Г. Дипломатия / Пер. с англ. В. Львов – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
5. Олкотт М. Центральная Азия / Пер. с англ. – М.: Гендальф, 2003. – 254 с.
6. Ahrari M., Beal J. The New Great Game in Muslim Central Asia // McNair Paper. – 1996. – № 47. – 91 p.
7. Blank S. Energy, Economics, and Security in Central Asia: Russia and Its Rivals. – Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, 1995. – 47 p.
8. Turkey's strategic position at the crossroads of world affairs / Blank S., Pelletiere S., Johnsen W. – Carlisle Barracks: Strategic Studies Institute, 1993. – 47p.
9. Burles M. Chinese policy toward Russia and the Central Asian Republics. – Santa Monica: RAND, 1999. – 84 p.
10. Cohen A. The New "Great Game": oil politics in the Caucasus and Central Asia // The Heritage Foundation Backgrounder. – 1996. – № 1065. – 13 p.
11. Larrabee F., Lesser I. Turkish foreign policy in an Age of Uncertainty. – Santa Monica: RAND, 2003. – 239 p.
12. Smith D. Central Asia: A New Great Game. – Carlisle Baracks: Strategic Studies Institute, 1996. – 40 p.
13. NATO and Caspian security: a mission too far? / Ed. by Socolsky R., Charlick-Paley T. – Santa Monica: RAND, 1999. – 113 p.
14. Fuller G. Central Asia's geopolitical future [Electronic resource] // Post Soviet Prospects. – 1994. – № 8. – Mode access: <http://www.csis.org/ruseura/psp/pspii8.html>.
15. Fuller G. Geopolitical dynamics of the Caspian region [Electronic resource] // Caspian Crossroad. – 1997. – Vol., 3, Iss.2. – Mode access: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/usazerb/322.htm>.
16. Goble P. From Myths to Maps: American Interests in the Countries of Central Asia and the Caucasus [Electronic resource] // Caspian Crossroad. – 1997. – Vol. 3, Iss. 1. – Mode access: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/usazerb/315.htm>.
17. Odom W. The Caspian Sea littoral states: the object of a new Great Game? [Electronic resource] // Caspian Crossroad. – 1997. – Vol. 3, Iss. 3. – Mode access: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/usazerb/332.htm>.
18. Odom W. US policy toward Central Asia and Caucasus [Electronic resource] // Caspian Crossroad. – 1997. – Vol. 3, Iss.1. – Mode access: <http://ourworld.compuserve.com/homepages/usazerb/311.htm>.
19. The Caucasus and Caspian Region: Understanding U.S. Interests and Policy. Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on International Relations House of Representatives. 107th Congress, 1st session, October 10, 2001. – Washington: GPO, 2001. – 94 p.; Central Asia: Terrorism, Religious extremism and Regional stability. Hearing before the Subcommittee on the Middle East and Central Asia of the Committee on International Relations House of Representatives. 108th Congress, 1st session, October 29, 2003. – Washington: GPO, 2003. – 165 p.; U.S. Energy security: Russia and the Caspian. Hearing before The Subcommittee on International economic policy, export and trade Promotion of the Committee on Foreign Relations United States Senate. 108th, 1st Session, April 30, 2003. – Washington: U.S. Government printing office, 2003. – 59 p.; U.S. Interests in the Central Asian Republics. Hearing before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Committee on International Relations House of Representatives. 105th Congress, 2-d session, February 12, 1998. – Washington: GPO, 1998 – 47 p.